

Сергей Наумов

Останься живым



Андрей Долгинцов

Сергей Наумов

Останься живым

Наумов С.

Останься живым / С. Наумов — — (Андрей Долгинцов)

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников. Самый популярный герой писателя – Андрей Долгинцов, "Седой", чьи похождения увлекали не одно поколение любителей остросюжетной литературы, а также знакомы многим по фильму "В двух шагах от Рая".

Сергей Наумов

Останься живым

* * *

По дороге в штаб Седой заглянул во двор госпиталя, который разместился в большом юнкерском доме. Заглянул просто так, из любопытства. А может, и потому, что услышал музыку. Кто-то хорошо играл на аккордеоне. Потом он услышал песню. Высокий мужской голос почти фальцетом пел:

Слети к нам, тихий вечер,

На мирные поля...

Во дворе танцевали. Раненые в повязках с медсестрами.

Больничный сад благоухал устойчивым запахом весны. В бело-розовом цветении стояли яблони и черешни. Белыми были халаты сестер и бинты на раненых. От белого рябило в глазах. "Кончается война, – подумал Седой. – И первыми это чувствуют женщины".

Он и сам испытывал необъяснимое, ни с чем не сравнимое чувство – будто тебя подхватило сильное теплое течение и несет, несет в какую-то неизвестную блаженную даль. А там, в этой дали, кто-то ждет, ждет именно его, майора, которого никто ждать не должен, – всех родных убила война.

Пьянящее ощущение близкой победы и своей силы, ранняя весна – все это будоражило людей, притупляло чувство опасности.

Армия обошла Берлин с севера и тем самым завершила окружение германской столицы. Одна из дивизий устремилась навстречу союзникам, подходившим к Эльбе с запада. Гитлеровцы еще на что-то надеялись, отчаянно сопротивлялись. Они дрались буквально за каждый дом.

Шагая по улицам аккуратного немецкого городка, захваченного внезапным ударом с фланга и потому целехонького, если не считать выбитых в домах стекол, Седой думал о предстоящем разговоре с начальником разведотдела армии. Он знал полковника Букреева с первого месяца войны, был с ним дружен той скупой мужской дружбой, которая не терпит скучных объяснений, глупых недомолвок, пустячных обид.

Букреев встретил Седого на застекленной террасе, полуобняв, усадил в глубокое плетеное кресло, остро заглянул в глаза.

Террасу заливало жаркое весеннее солнце. С улицы доносилась веселая солдатская переключка:

– Ты глянь... танки-то, танки где остановились! На самом виду. По "юнкерсам" соскучились?

– Нема у Гитлера "юнкерсов", Коля, скидай одежду – загорать будем...

– Все с ума посходили, – проворчал Букреев, тяжело опускаясь в кресло напротив Седого.

Пожилой седоусый полковник походил на усталого, вернувшегося с поля пахаря. Глубокий шрам пересекал его квадратное угрюмоватое лицо. Когда полковник говорил, шрам стягивал кожу на правой щеке, и тогда казалось, что начальник разведки смеется.

– Ты знаешь, что я сейчас вспомнил? – Букреев едва заметно усмехнулся: – Кленовую аллею в Тимирязевском парке... Такой же вот апрель и листочки, еще свернутые в дудочку. Черт знает почему...

– Может, женился ты той весной, Иван Савостьяныч? – насмешливо ответил Седой, вслушиваясь в разговоры на улице.

– Бирюк ты, – примирительно вздохнул полковник. – Я с тобой как с другом... Думал лирический разговор состряпать.

– Не обижайся, Иван Савостьяныч, – тихо проговорил Седой. – До логова дошли, обложили зверя, а я все нашу границу забыть не могу... Мы сидим в блокгаузах, патроны на исходе, а они – термитными снарядами. Конюшня загорелась... Лошади сбили ворота... Думаешь, пожалели они лошадей? Охоту устроили, сволочи. Из винтовок, как по мишеням. Один гнедой по кличке Кордон только и ушел в тыл...

Букреев смотрел на Седого, и боль сжимала его сердце. Четвертый год они воевали вместе. Полковник помнил тот день, когда у горевшего леса прямо к наспех отрытым окопам вышел человек в лейтенантской гимнастерке. Он был точно создан для боя. Сухощавый, не улыбочивый, с пронзительным взглядом узких, неуловимых темных глаз. Уголки его сильного рта были словно запечатаны по бокам глубокими морщинками. Серебро густо покрывало черные жесткие волосы. Пограничная форма сидела на нем плотно, будто сшитая по заказу.

Капитан Букреев тогда придиричливо рассматривал и документы лейтенанта-пограничника, и его самого, задымленного, запыленного так, что и лица-то разобрать невозможно.

Лейтенант был ранен в руку и в шею, видимо, сильно контужен. Он заикался и во время разговора прикрывал глаза ладонью, словно заслоняясь от чего-то жгучего, бьющего прямо в зрачки.

– За-заст-та-вы н-нет, я остался од-дин, – только и произнес пограничник, и было непонятно, как же он вырвался из окружения, прошел через горящий лес да еще принес с собой два немецких автомата.

Для бойцов батальона, которые еще не видели ни одного гитлеровца, человек с границы был героем. Букреев помнил, как они поодиночке и группами приходили в блиндаж посмотреть на спящего лейтенанта. Он постанывал во сне, тяжело, с присвистом дышал и крепко сжимал обеими руками трофейный автомат.

– Седой, – ласково сказал кто-то из бойцов, разглядывая не по годам суровое лицо спящего пограничника.

Так и прошел он с этим псевдонимом – Седой – по тылам вермахта. В разведотделе дивизии оценили отвагу и находчивость лейтенанта Долгинцова. Отличное знание немецкого языка помогло ему стать настоящим разведчиком.

– Не вижу карты, – внезапно сказал Седой.

– Я бы предпочел шахматы, Андрей, – угрюмо отозвался Букреев. – Война-то на исходе.

Полковник потянул за шнур портьеры, она сдвинулась и открыла мелкомасштабную карту Северной Германии.

– Городок в одиннадцать букв, без разбега не выговоришь, он нам нужен. Монтгомери спешит к Берлину, спешит и 12-я фашистская армия Венка. В Берлине надеются на то, что Венк со своей армией прорвется к столице. Но им важно и другое – не дать нам соединиться с англичанами и американцами. Выше города плотина...

Букреев теперь походил на школьного учителя. С указкой в руке он стоял у карты и негромко рассказывал, словно вел урок:

– В водохранилище собрано около семи миллионов кубометров воды. Если взорвать затворы шлюзов, вода хлынет в долину, затопит город. Погибнут люди. Кроме того, задержится наше наступление... Послать большую группу мы не можем, она будет слишком заметна: территория, по которой придется идти, нафарширована эсэсовскими частями. Службы абвера, СД тоже не спят.

– Что известно о подступах к плотине, ее охране? – спросил Седой, подходя к карте.

– Неизвестных в этом уравнении больше, чем хотелось бы.

Букреев тяжело опустился в кресло и негромко добавил:

– Охрана есть, но мы не знаем, сколько ее, местность на подходах к плотине открытая... Знаем, чтобы избежать случайностей, взрывное устройство спрятали в бункере. Они постараются взорвать затворы в последние минуты, когда наши войска войдут в город... В последнюю минуту... В этом все дело... В километре от плотины, в доме у семи сосен, живет старик немец Фридрих Гросс, он тебе должен помочь. Но нельзя исключать вероятность, что дом под наблюдением. Фотографию Гросса тебе покажет Сафонов. Пароль – "Трапезунд открыт для кораблей", ответ – "Со вчерашнего дня"... Как только начнется штурм города, в район плотины будет выброшен десант. Штурм начнется ровно в шесть часов утра – через сутки после твоего ухода...

– Полковник встал, тотчас заложил руки за спину. Седой знал этот жест – у Букреева была прострелена грудь. В комнате стало душно, несмотря на распахнутые окна, и полковнику тяжело дышалось.

– Ты ведь мечтал стать врачом? – вдруг спросил Букреев.

– Когда это было! Еще до пограничного училища, – усмехнулся Седой.

– Учился и ушел с третьего курса, – упрямо мотнул головой полковник. – Знаю, перевязки делать умеешь, латынь разбираешь, шприц от скальпеля отличить сможешь.

– Значит, под врача?..

– Значит, так. Маскируясь под врача, тебе легче будет передвигаться, путь неблизкий... Документы заготовлены. Пойдешь без оружия. Саквояж с инструментами у Сафонова. Он тебя будет провожать с ребятами. А там смешаешься с беженцами. И... нету нас с тобой времени, давай простимся здесь, сейчас.

Букреев шагнул вперед, обнял Седого за плечи, как и при встрече, остро заглянул в глаза.

– Об одном прошу тебя... – голос его дрогнул, – останься живым...

– Как выйдет, Савостьяныч, – тихо ответил Седой.

* * *

Небо желтело над дымящимися развалинами. И было трудно различить, где кончается щебень обвалившихся стен и где начинаются улицы. Дома зияли пустыми глазницами окон. Из поврежденных труб сочился газ и вместе с каменной пылью щекотал ноздри.

И все же это был настоящий воздух, а не канализационный смрад. И это был вражеский тыл, в который Седого провели саперы по подземным коммуникациям города.

С той минуты, как он протиснулся в узкую горловину подземного колодца, прошло долгих пять часов. Правда, по коллектору шли в полный рост. Несколько раз поднимались наружу. Из-под крышки колодца, словно сквозь смотровую щель в танке, можно было наблюдать за улицей.

Больше всего боялись мин, поэтому двигались медленно, прощупывая каждый метр миноискателем.

Угрюмоватый сапер с забинтованной головой в самом начале пути протянул Седому укороченный шуп, надел на спину ящик с батареями, сунул в руки миноискатель. Наушники разведчик надел сам.

– Шукай осторожно. Шуп втыкай в эту грязюку, как палец в мед. Если что, хлопни меня по плечу и замри!

Сапер не знал, что Седой в многочисленных своих переходах через линию фронта научился находить и обезвреживать мины так же быстро и ловко, как это делали саперы-виртуозы из саперного батальона.

Теперь все позади. Сброшены резиновые сапоги. Ладонь правой руки побаливает от крепких прощальных рукопожатий. Он в немецком городе с документами берлинского врача Конрада Шмитца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.